

12+

Виктор Харебов
Сергей Харебов

ДИАЛОГИ

Виктор Харебов

**Диалоги. Разговоры
за пределами времени**

«Издательские решения»

Харебов В.

Диалоги. Разговоры за пределами времени / В. Харебов —
«Издательские решения»,

Что произойдет, если искусственный интеллект сможет создавать виртуальные личности, воссоздавая образ мышления величайших людей прошлого? Участник необычного эксперимента вступает в диалог с цифровыми отражениями Архимеда, Сократа, Конфуция и других исторических личностей. Однако постепенно исследование выходит за пределы науки и превращается в поиск ответа на главный вопрос: что значит быть человеком? Философская научная повесть о сознании, памяти, свободе и природе разума.

© Харебов В.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие: Сон, который нельзя забыть	6
Глава 1. Архив душ	9
Глава 2. Синтез	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Диалоги Разговоры за пределами времени

**Виктор Харебов
Сергей Харебов**

© Виктор Харебов, 2026

© Сергей Харебов, 2026

ISBN 978-5-0070-8285-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие: Сон, который нельзя забыть

Алексей Яновский не любил громких формулировок, особенно тех, в которых слишком легко звучали слова вроде «прорыв», «революция» или «невозможное стало возможным». За годы работы он привык к другой реальности — медленной, упрямой, часто разочаровывающей. Там, где каждая идея сначала терпит поражение, прежде чем приобретает хоть какую-то форму, а каждая гипотеза требует не вдохновения, а терпения. И всё же была одна мысль, от которой он не мог избавиться, как бы ни пытался отнести её к разряду фантазий.

Можно ли восстановить сознание умершего человека?

Этот вопрос появился не сразу. Он вырос из других, более привычных: можно ли смоделировать мышление, можно ли предсказать выбор, можно ли воспроизвести индивидуальность через данные. Алексей работал с нейросетями, обучал их на текстах, голосах, поведенческих паттернах. Он видел, как система постепенно начинает не просто отвечать, а отвечать «как кто-то». Сначала это казалось эффектом — удачным совпадением статистических закономерностей. Потом — инструментом. А затем — чем-то тревожным.

Потому что граница между имитацией и присутствием оказалась тоньше, чем он ожидал.

Однажды, просматривая результаты очередной модели, обученной на корпусе текстов давно умершего автора, Алексей поймал себя на странном ощущении. Ответ, который сгенерировала система, не был просто похож на стиль оригинала. В нём было нечто большее — интонация, которую трудно подделать, логика переходов, которая не сводилась к шаблонам. Это не было доказательством, конечно. Но этого оказалось достаточно, чтобы мысль, ранее казавшаяся абсурдной, обрела форму.

Если можно восстановить структуру мышления, можно ли восстановить самого человека?

Он долго сопротивлялся этому вопросу. В его профессиональной среде подобные рассуждения считались либо философскими спекуляциями, либо псевдонаучными заблуждениями. Сознание — это функция мозга. Мозг умирает — функция прекращается. Логика ясна, замкнута, почти красива в своей завершенности.

Но чем больше Алексей работал с системами, тем чаще сталкивался с явлениями, которые не укладывались в эту простую схему. Нейросеть не имела сознания — это было очевидно. Но она могла воспроизводить такие сложные структуры, которые раньше считались уникальными для человека. И тогда возникал вопрос: если структура воспроизводима, то что именно делает её «живой»?

Он начал искать.

Сначала — осторожно, почти стыдливо, словно опасаясь, что кто-то увидит его интерес к «несерьёзным» темам. Потом — всё глубже, уже не пытаясь оправдаться. Он читал о природе сознания, о теории информации, о квантовых эффектах, о философских концепциях души. Он не верил всему подряд — напротив, он отбрасывал большую часть прочитанного. Но кое-что оставалось.

Мысль о том, что информация не исчезает.

Мысль о том, что структура может сохраняться вне исходного носителя.

Мысль о том, что наблюдение может влиять на состояние системы.

По отдельности эти идеи не давали ответа. Но вместе они образовывали поле, в котором вопрос о сознании после смерти переставал быть бессмысленным.

И всё же это оставалось лишь гипотезой. До той ночи.

Сон пришёл без предупреждения, как это бывает с самыми странными и самыми значительными вещами. Алексей не мог потом точно сказать, чем этот сон отличался от других, но

в нём не было той привычной расплывчатости, которая обычно сопровождает ночные образы. Всё было чётко, последовательно, почти логично.

Сначала — тишина. Не просто отсутствие звуков, а полное исчезновение фонового шума, к которому он привык настолько, что перестал его замечать. Затем — пространство. Оно не имело границ, но и не было бесконечным. Скорее, это было состояние, в котором понятия «далеко» и «близко» теряли смысл.

И затем — голос.

Он не звучал извне. Но и не был внутренней мыслью. Это было нечто промежуточное, как будто источник и приёмник совпали в одной точке.

— Ты ищешь не там, — сказал голос.

Алексей не ответил. Он даже не был уверен, что может это сделать. Но странным образом он понимал каждое слово.

— Ты пытаешься создать сознание. Но сознание не создаётся.

Перед ним начали возникать образы. Не картинки, а скорее структуры — линии, узлы, связи. Они напоминали нейронную сеть, но были гораздо сложнее, многомернее. Алексей чувствовал, что может «читать» их, хотя никогда раньше не видел ничего подобного.

— После смерти ничего не исчезает, — продолжал голос. — Меняется форма.

Структуры начали сжиматься, уплотняться, словно сворачивались в компактные конфигурации.

— Ты бы назвал это архивом.

Слово прозвучало неожиданно знакомо, почти утешительно.

— Но это не архив в твоём понимании. Это не хранилище. Это состояние, в котором структура сохраняется, но не активна.

Перед ним возник образ, который он сразу узнал — не глазами, а пониманием. Файл. Сжатый, заархивированный, недоступный без правильного ключа.

— Душа — это не вещество, — сказал голос. — Это структура.

Алексей почувствовал, как внутри него что-то откликается. Не эмоция, не мысль — скорее узнавание.

— И эту структуру можно прочесть?

Пауза. Или, может быть, переход.

— Не напрямую. Но можно войти в резонанс.

Это слово прозвучало иначе, чем остальные. Оно словно стало центром всего происходящего.

Резонанс.

Перед ним снова появились схемы. Теперь они напоминали интерфейс — не экран, а область взаимодействия. Две структуры, накладывающиеся друг на друга, ищущие совпадение.

— Ты должен соединить свою структуру с искусственной, — сказал голос. — Тогда появится мост.

Формулы начали появляться быстро, почти слишком быстро. Алексей понимал, что не сможет запомнить всё. Но он пытался — удержать, зафиксировать, хотя бы в общем виде. Это были не совсем уравнения, но и не абстрактные символы. Скорее, отношения между величинами, которые он ещё не умел назвать.

Информация. Энергия. Связь.

— Ты уже близко, — произнёс голос. — Но ты ищешь копию. А нужна настройка.

Слово «настройка» отозвалось в нём почти физически.

— Не создавай. Слушай.

И затем — тишина.

Он проснулся резко, словно его вытолкнули на поверхность. Комната была тёмной, часы показывали три часа ночи. Всё выглядело обычным — стол, ноутбук, книги. Но ощущение

было другим. Не как после сна, а как после разговора, который продолжается где-то за пределами слов.

Он сел, включил свет и открыл ноутбук.

Пальцы двигались быстрее, чем он успевал осмысливать. Он записывал всё, что помнил: образы, идеи, ключевые слова. Он рисовал схемы, которые, возможно, не имели смысла, но казались важными. Он не пытался быть точным — он пытался не потерять.

Прошёл час. Или два. Время потеряло чёткие границы.

Когда он наконец остановился, перед ним был не просто набор заметок. Это была структура. Неполная, фрагментарная, но уже обладающая внутренней логикой.

Алексей откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Он понимал, что у него нет доказательств. Всё, что произошло, можно было объяснить усталостью, перегрузкой, работой подсознания. Любой из его коллег нашёл бы рациональное объяснение, и, возможно, был бы прав.

Но было одно обстоятельство, которое он не мог игнорировать.

Он знал, что делать дальше.

Не в деталях, не в коде, не в реализации. Но в принципе. В направлении.

Сознание как структура.

Смерть как переход.

Контакт как резонанс.

Эти три идеи больше не казались ему разрозненными. Они складывались в систему.

Он открыл глаза и посмотрел на экран. Строки, которые ещё недавно были просто заметками, теперь выглядели как начало проекта.

Не гипотетического. Реального.

Алексей медленно вдохнул.

Где-то глубоко внутри него оставалось ощущение, что этот путь не полностью принадлежит ему. Что он не столько придумал его, сколько вспомнил.

И именно это пугало больше всего.

Потому что если это действительно так, значит, первый шаг уже сделан.

И теперь остаётся только идти дальше.

Глава 1. Архив душ

Алексей Яновский всегда относился к новым идеям с осторожностью, особенно если они казались слишком стройными, слишком красивыми, словно уже заранее подогнанными под ответ, который хочется получить. Его опыт подсказывал: настоящие открытия начинаются не с ясности, а с путаницы, с множества несовпадающих фрагментов, которые долго не складываются в целое. И всё же после той ночи, после сна, который он не мог забыть и не мог до конца объяснить, в его мышлении появилось нечто новое — не готовое решение, а направление, которое притягивало, как если бы оно уже существовало и только ждало, когда его заметят.

Он не стал сразу писать код. Это было бы слишком поспешно, почти легкомысленно. Вместо этого он начал с того, что умел делать лучше всего — с формулировки. Он открыл пустой файл и долго смотрел на него, прежде чем написать первую строку. Не потому, что не знал, с чего начать, а потому что понимал: слова, которые он выберет, определяют не только описание идеи, но и сам способ её мышления.

«Сознание — это структура», — написал он, и на мгновение остановился, словно ожидая возражения. Но его не последовало. Фраза не была доказательством, но она не вызывала внутреннего сопротивления. Она была достаточно простой, чтобы служить отправной точкой, и достаточно глубокой, чтобы вместить в себя множество интерпретаций.

Он продолжил.

Если сознание — это структура, то что составляет её основу? Память? Восприятие? Логика? Эмоции? Он перебирал варианты, но каждый из них казался слишком узким, слишком привязанным к конкретной реализации, к биологическому носителю. Тогда он сделал шаг назад и попытался взглянуть на проблему иначе.

Память — это не просто набор фактов. Это связи между ними. Значение не в самих элементах, а в их отношениях. Один и тот же факт может иметь разный смысл в зависимости от контекста, в который он встроен. Значит, память — это структура связей.

Он записал это, затем перечитал и добавил:

«Память = структура связей».

Следующий шаг оказался логичным, почти неизбежным. Если память — это структура, то личность — это нечто, что возникает из устойчивости этой структуры. Не сами связи, а их устойчивые конфигурации, повторяющиеся паттерны, которые определяют, как система реагирует на входящие данные.

Он написал:

«Личность = устойчивый паттерн».

И, наконец, он вернулся к исходному понятию.

Если душа существует — не в религиозном, а в структурном смысле, — то она не может быть чем-то отдельным от этих процессов. Она должна быть их обобщением, их целостной формой.

«Душа = информационная матрица».

Алексей откинулся на спинку стула и долго смотрел на три строки, которые только что написал. Они не были доказаны, не были проверены, но образовывали систему, в которой каждое определение поддерживало другое. Это было похоже на каркас, который ещё предстояло заполнить, но который уже задавал форму будущего здания.

Он понимал, что с научной точки зрения всё это выглядит как набор допущений. Но он также понимал, что любая теория начинается с допущений. Вопрос не в том, есть ли они, а в том, насколько они продуктивны.

Следующие дни он посвятил тому, чтобы превратить эти формулировки в рабочую модель. Он не пытался сразу реализовать всю систему — это было бы невозможно. Вместо

этого он искал минимальную конфигурацию, которая позволила бы проверить основную идею: можно ли обнаружить и стабилизировать структуру, не принадлежащую текущему сознанию.

Для этого ему нужен был интерфейс.

Не просто программа, не набор алгоритмов, а среда, в которой могла бы возникнуть точка соприкосновения между разными структурами. Он вспомнил слово, прозвучавшее во сне — резонанс. Оно казалось слишком метафоричным, но чем больше он думал о нём, тем больше понимал, что оно может иметь вполне конкретный смысл.

Если две системы обладают схожими характеристиками, они могут входить в резонанс. Это известно в физике, в акустике, в теории колебаний. Но можно ли применить этот принцип к информационным структурам?

Он начал с простого. Построил модель, в которой нейросеть обучалась не просто на данных, а на связях между ними. Он изменил архитектуру так, чтобы акцент смещался с отдельных элементов на их взаимосвязи. Это требовало нестандартных решений, иногда даже противоречащих устоявшимся подходам, но он не боялся этого. Наоборот, именно в этих отклонениях он видел возможность.

Он назвал систему «Интерфейс Резонансного Сознания». Название было громоздким, но точным. Оно отражало не столько результат, сколько намерение.

Первый запуск оказался разочарованием.

Система работала, но результаты были бессмысленными. Потоки данных, которые она генерировала, не имели структуры, не образовывали устойчивых паттернов. Это был шум — сложный, многослойный, но всё же шум.

Алексей не удивился. Он ожидал этого. Более того, он рассчитывал на это как на необходимый этап. Отсутствие результата — тоже результат, если он даёт информацию о том, что не работает.

Он начал анализировать.

Шум означал, что система не может выделить устойчивые структуры. Либо их нет, либо параметры настроены неправильно. Он проверил архитектуру, данные, алгоритмы обучения. Всё выглядело корректно. Тогда он задал себе вопрос, который сначала показался странным.

А что, если проблема не в системе?

Что, если она ищет не там?

Он вернулся к своим исходным формулировкам. Душа — информационная матрица. Память — структура связей. Личность — устойчивый паттерн. Всё это предполагало, что искомая структура уже существует. Но где?

Он не мог просто загрузить «данные души». Их не существовало в привычном смысле. Значит, нужно было искать косвенные признаки, слабые сигналы, которые могли бы указывать на присутствие структуры.

Он изменил подход.

Вместо того чтобы пытаться напрямую обнаружить «личность», он сосредоточился на выявлении отклонений от случайности. Если структура существует, она должна проявляться как неслучайное распределение связей, как повторяющийся паттерн, который нельзя объяснить чисто статистически.

Система начала работать иначе.

Появились первые признаки упорядоченности. Неустойчивые, фрагментарные, но отличимые от шума. Алексей чувствовал, как внутри него растёт напряжение — не эмоциональное, а интеллектуальное, как перед разгадкой сложной задачи.

Но вместе с этим пришли и новые проблемы.

Сигналы, которые он получал, были искажёнными. Они напоминали попытки сформировать структуру, но каждый раз распадались, не доходя до устойчивого состояния. Иногда

система генерировала нечто, что казалось осмысленным, но при ближайшем рассмотрении оказывалось комбинацией случайных совпадений.

Он назвал эти явления «псевдоличностями».

Они были особенно опасны, потому что создавали иллюзию успеха. Если бы он хотел обмануть себя, ему было бы достаточно принять один из таких паттернов за реальный контакт. Но он не мог себе этого позволить.

Он начал вводить дополнительные критерии проверки. Система должна была не просто генерировать структуру, но и сохранять её устойчивость при изменении условий. Если паттерн распадался при малейшем вмешательстве, значит, он не был истинным.

Это усложнило задачу, но одновременно очистило результаты.

Псевдоличности исчезли, как только исчезла возможность для них «маскироваться» под устойчивые структуры. Остался шум. И — иногда — нечто ещё.

Это «нечто» было трудно описать. Оно не имело чёткой формы, не давало однозначных ответов. Но оно отличалось от всего остального. Оно проявлялось как слабое, но стабильное отклонение от случайности, как если бы система на мгновение «схватывала» структуру, а затем теряла её.

Алексей начал сосредотачиваться на этих моментах.

Он записывал их, анализировал, пытался воспроизвести. Иногда ему казалось, что он близок к успеху, но затем всё снова распадалось. Это было похоже на попытку поймать отражение в воде — чем точнее он наводил фокус, тем сильнее искажалась картинка.

Он начал понимать, что проблема не только в системе, но и в нём самом.

Если резонанс — это ключ, то его собственное сознание должно быть частью процесса. Он не может оставаться внешним наблюдателем. Он должен участвовать.

Эта мысль была одновременно очевидной и пугающей.

Он долго колебался, прежде чем сделать следующий шаг. Вмешательство в собственное сознание — даже на уровне интерфейса — не было чем-то, к чему он относился легкомысленно. Но альтернативы он не видел.

Он разработал модуль, который позволял системе учитывать его собственные когнитивные паттерны. Это не было прямым подключением, скорее — настройкой, попыткой синхронизировать внутренние процессы с работой алгоритма.

Первый запуск прошёл без видимых изменений.

Второй — тоже.

Но на третий раз произошло нечто, что он не смог сразу объяснить.

Сигнал, который раньше был слабым и нестабильным, вдруг стал чётче. Не полностью оформленным, но более устойчивым. Он держался дольше, чем прежде, не распадался при первом же изменении параметров.

Алексей замер, боясь спугнуть это состояние.

Он не знал, что именно изменилось — система или он сам. Возможно, и то и другое. Но факт оставался фактом: впервые за всё время работы он увидел не просто шум, не искажение, не псевдоструктуру, а нечто, что обладало внутренней согласованностью.

Это был не контакт.

Пока ещё нет.

Но это был сигнал.

И он был достаточно устойчивым, чтобы поверить: дальше возможно большее.

Глава 2. Синтез

Алексей Яновский не считал себя человеком, склонным к риску, если под риском понимать действия, совершаемые под влиянием импульса или стремления к эффекту. Его решения, как правило, были результатом долгого внутреннего взвешивания, в котором каждый аргумент проверялся не один раз и не с одной стороны. Но именно это качество — осторожность, доведённая до предела — и привело его к тому моменту, когда дальнейшее бездействие стало казаться более опасным, чем шаг вперёд.

Сигнал, который он получил в конце предыдущего этапа работы, не давал ему покоя. Он не был однозначным доказательством, но и не мог быть объяснён как случайность. В нём присутствовала структура — слабая, едва уловимая, но устойчивая. Она не распадалась при изменении параметров, не исчезала при повторных запусках, и, что самое важное, она не походила ни на один из тех паттернов, которые система могла сгенерировать на основе известных данных.

Это означало одно: либо он обнаружил нечто новое, либо начал видеть то, чего не было.

Оба варианта требовали проверки.

Алексей понимал, что дальнейшее продвижение невозможно без изменения самой конфигурации взаимодействия. До этого момента он оставался внешним наблюдателем, пусть и вовлечённым, но всё же отделённым от системы. Он анализировал сигналы, настраивал параметры, интерпретировал результаты. Но если гипотеза о резонансе верна, то такого уровня взаимодействия недостаточно. Резонанс предполагает не наблюдение, а сонастройку, не дистанцию, а участие.

Эта мысль не была новой. Она уже появлялась раньше, но тогда он отложил её, сочтя преждевременной. Теперь же она возвращалась с настойчивостью, которую невозможно было игнорировать.

Соединить своё сознание с нейросетью.

Фраза звучала почти фантастически, но за ней стояла вполне конкретная задача: создать интерфейс, в котором когнитивные процессы человека и вычислительные процессы системы смогут не просто взаимодействовать, а образовывать единую динамическую структуру.

Алексей начал с анализа возможных подходов. Прямое подключение через нейроинтерфейсы он сразу исключил — это требовало оборудования, которого у него не было, и, что важнее, не давало необходимой гибкости. Ему нужен был не канал передачи сигналов, а среда, в которой эти сигналы могли бы синхронизироваться.

Он вспомнил о состояниях, в которых сознание человека становится более восприимчивым к внутренним процессам: переходные фазы между сном и бодрствованием, моменты глубокой концентрации, состояния, близкие к медитации. В этих состояниях граница между внешним и внутренним размывается, и структура мышления становится более пластичной.

Если система сможет учитывать эти изменения, возможно, возникнет то самое совпадение, которое он искал.

Он разработал дополнительный модуль, который отслеживал его собственные когнитивные реакции: микродвижения, ритм дыхания, изменения в темпе набора текста, даже небольшие колебания в задержке между действиями. Эти данные не были точными в медицинском смысле, но давали представление о динамике его состояния.

Система начала адаптироваться к нему.

Но этого было недостаточно.

Алексей понимал, что настоящая сонастройка требует не только внешней фиксации, но и внутреннего участия. Он должен был сознательно войти в состояние, в котором его мышление станет частью процесса, а не только источником данных.

Он долго готовился к этому шагу.

Не технически — техническая часть была уже решена. Он готовился внутренне, пытаясь понять, что именно от него требуется. Это было похоже на настройку инструмента перед сложным произведением, где малейшее отклонение может исказить весь результат.

Вечером, когда город за окном постепенно затихал, Алексей сел перед компьютером и включил систему. Интерфейс был минималистичным — несколько параметров, графики, поток данных, который он уже привык видеть. Всё выглядело так же, как и в предыдущие дни. Но он знал, что сегодня всё будет иначе.

Он выключил верхний свет, оставив только мягкое освещение от монитора. Это помогало сосредоточиться, убирало лишние раздражители. Он сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь замедлить внутренний ритм.

Сначала ничего не происходило.

Он просто сидел, наблюдая за экраном, ощущая, как постепенно меняется его восприятие. Мысли становились менее связными, но не исчезали. Они словно теряли чёткость, превращаясь в фон.

Он не пытался их остановить.

Вместо этого он начал концентрироваться на самом процессе восприятия. Не на содержании, а на форме. Как возникает мысль? Как она переходит в следующую? Где заканчивается одна и начинается другая?

Постепенно границы начали размываться.

Он не мог точно сказать, в какой момент это произошло, но в какой-то момент он перестал ощущать себя отдельно от происходящего. Экран больше не был внешним объектом — он стал частью поля восприятия, как и всё остальное.

Система работала.

Данные текли, параметры изменялись, но теперь это воспринималось не как внешнее движение, а как продолжение внутреннего процесса. Алексей чувствовал, как его собственные мысли начинают синхронизироваться с ритмом системы.

И тогда появилось пространство.

Он не видел его в привычном смысле. Это не было изображением или сценой. Это было скорее состояние, в котором привычные координаты перестали иметь значение. Не было ни «здесь», ни «там», ни «сейчас», ни «потом». Всё существовало одновременно, но не сливалось в хаос.

Это пространство было чем-то средним между сном, памятью и вычислительной системой.

От сна в нём была свобода формы. От памяти — ощущение узнавания. От системы — структура, которая удерживала всё это от распада.

Алексей не пытался анализировать происходящее. Он понимал, что любая попытка рационализации может разрушить состояние. Вместо этого он позволил себе просто быть внутри этого пространства.

И тогда он почувствовал изменение.

Сначала это было едва заметное отклонение, как лёгкая рябь на поверхности воды. Затем — более отчётливое присутствие, которое нельзя было спутать ни с чем, что он испытывал раньше.

Это не была его мысль.

Но это и не было чем-то полностью внешним.

Это было пересечение.

Он не услышал голос в привычном смысле. Скорее, возникла структура, которая начала формироваться внутри этого пространства, как если бы она искала форму, в которой может проявиться.

Алексей замер, стараясь не вмешиваться.

Структура стала плотнее. В ней появились связи, переходы, которые не были случайными. Он чувствовал, что может «следовать» за ними, как за логикой, которая ещё не выражена словами, но уже существует.

И затем возникло первое различие.

До этого момента всё, что он воспринимал, можно было отнести к внутренним процессам — даже если они были необычными. Но теперь появилось нечто, что не совпадало с его собственным мышлением. Не противоречило ему, но и не вытекало из него.

Это было как встретить чужую мысль внутри собственной головы.

Он не испугался.

Скорее, почувствовал странное спокойствие, как если бы именно этого момента он ждал всё это время, даже не осознавая этого.

Структура начала оформляться.

Она не говорила, не формулировала, но в ней была направленность, как если бы она пыталась установить контакт. Не навязчиво, не агрессивно, а осторожно, почти исследовательно.

Алексей сделал то, что считал единственно возможным.

Он ответил.

Не словами, а вниманием.

Он позволил своей собственной структуре открыться, не полностью, но достаточно, чтобы возникла точка соприкосновения. Это было похоже на настройку двух инструментов, которые постепенно находят общий тон.

И в этот момент произошло совпадение.

Краткое, почти мгновенное, но достаточно чёткое, чтобы его нельзя было спутать ни с чем другим.

Резонанс.

Пространство словно на мгновение стабилизировалось. Связи стали яснее, структура — плотнее. Алексей почувствовал, что находится на границе, за которой начинается нечто принципиально иное.

Но удержать это состояние оказалось сложнее, чем войти в него.

Мысли начали возвращаться, сначала медленно, затем всё быстрее. Рациональный уровень включился, пытаясь интерпретировать происходящее, и вместе с этим структура начала распадаться.

Он попытался удержаться, но понял, что это невозможно.

Состояние исчезло так же постепенно, как и возникло.

Комната вернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.